

Политическая лингвистика. 2022. № 4 (94).
Political Linguistics. 2022. No 4 (94).

УДК 811.161.1'42:811.161.1'373:811.161.1'27
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55+ШП00.621

ГСНТИ 16.21.07

Код ВАК 10.02.19 (5.9.8)

Александр Петрович Сквородников¹, Галина Анатольевна Копнина²

¹ skapnat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0171-596x>

² Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, gkopnina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9883-3892>

Лексико-фразеологические новации в русском языке и речи как следствие информационно-психологических войн: функционально-прагматический аспект

АННОТАЦИЯ. В статье представлены результаты продолжающегося исследования, выполненного в рамках лингвистики информационно-психологической войны и посвященного описанию последствий современных информационно-политических войн в русском языке и речи. Отбор лексико-фразеологических новаций осуществлялся авторами из текстов, в которых прослеживаются мишени информационно-психологической войны, понимаемые как объекты противостояния. Анализ этих новаций осуществлялся с позиций выполняемых ими прагматических функций. Отмечается, что особый интерес для лингвистики информационно-психологической войны представляют специализированные аксиологические средства — средства, предназначенные для выполнения той или иной оценочной функции. Анализ негативаторов как средств, выражающих пейоративную оценку и используемых с целью дискредитации образа мишени (политических ярлыков, инвектив, террибилитизмов и др.), позволяет сделать вывод о том, что в качестве мишеней в современных информационно-психологических войнах выступают и такие объекты, защита которых значима для национальной безопасности России. Глорификаторы как средства, выражающие мелиоративную оценку и способствующие позитивации образа (например, панегиризм, вигилизм), менее характерны для текстов информационно-психологических войн, за исключением эвфемизмов, которые не столько приукрашивают объект, сколько его вуалируют. Обращается внимание на существование аксиологической конверсии (функциональной обратимости) оценочных слов и словосочетаний в текстах информационно-психологических войн с помощью приемов постановки глорификаторов в контекст, снижающий или дискредитирующий образ мишени, или принятия негативаторов с изменением их коннотации. Результаты исследования представляют интерес для специалистов в области политической лингвистики, а также тех, кто интересуется вопросами развития русского языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационно-психологическая война, лингвистика информационно-психологической войны, русский язык, лексикология русского языка, фразеология русского языка, фразеологические единицы, фразеологизмы, лексико-фразеологические новации, политический дискурс, русская речь, новации в русском языке, глорификаторы, инвективы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Сквородников Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор; Геленджик, Россия; e-mail: skapnat@mail.ru.

Копнина Галина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 1, каб. 2-38.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сквородников, А. П. Лексико-фразеологические новации в русском языке и речи как следствие информационно-психологических войн: функционально-прагматический аспект / А. П. Сквородников, Г. А. Копнина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 4 (94). — С. 31-40.

Aleksandr P. Skovorodnikov¹, Galina A. Kopnina²

¹ skapnat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0171-596x>

² Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, gkopnina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9883-3892>

Lexico-Phraseological Neologisms in the Russian Language and Speech as a Consequence of Information-Psychological Warfare: Functional-Pragmatic Aspect

ABSTRACT. The article presents the results of an ongoing study performed in the sphere of linguistics of information-psychological warfare and devoted to the description of its consequences in the Russian language and speech. The authors of the article selected lexico-phraseological neologisms from the texts, in which one can trace the information-psychological warfare targets, treated as objects of confrontation. These neologisms were analyzed from the perspective of pragmatic functions they fulfill. It is noted in the study that special axiological means — the ones intended to fulfill a particular evaluative function — are of particular interest for linguistics of information-psychological warfare. The analysis of the negative means used to express pejorative evaluation and to discredit the target image (political labels, invectives, terrible things, etc.) suggests that objects, the protection of which is significant for Russia's national security, function as targets in modern infor-

© Сквородников А. П., Копнина Г. А., 2022

ation-psychological warfare. Glorifiers as means expressing ameliorative evaluation and contributing to the positive image (e.g. panegyrisms, vigilisms) are less common for information-psychological warfare texts, except for euphemisms, which not so much embellish an object as veil it. Attention is drawn to the existence of axiological conversion (functional reversibility) of evaluative words and phrases in the texts of information-psychological warfare with the help of placing glorifiers into the context, which lowers or discredits the target image, or using negative means with a different connotation. The results of the study may be of interest to political linguistics specialists and also those who are interested in the issues of development of the Russian language.

KEYWORDS: information-psychological warfare, information-psychological warfare linguistics, Russian language, Russian lexicology, Russian phraseology, phraseological units, phraseologisms, lexico-phraseological neologisms, political discourse, Russian speech, Russian language neologisms, glorifiers, invectives.

AUTHOR'S INFORMATION: Skovorodnikov Aleksandr Petrovich, Doctor of Philology, Professor, Gelendzhik, Russia.

Kopnina Galina Anatol'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language and Speech Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

FOR CITATION: Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. (2022). Lexico-Phraseological Neologisms in the Russian Language and Speech as a Consequence of Information-Psychological Warfare: Functional-Pragmatic Aspect. In *Political Linguistics*. No 4 (94), pp. 31-40. (In Russ.).

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Любая война осуществляется с использованием языка как информационного оружия, влияет на речь и оставляет свой след в языке. Есть мнение, что «белые проиграли борьбу большевикам, не сумев найти привлекательных для широких масс лозунгов борьбы с большевизмом и советской властью и разъяснить крестьянству принципы своей социальной и аграрной политики. <...> Язык декретов советской власти оказался более выигрышным» [Цветков 2020]; «СССР проиграл холодную войну в том числе и потому, что Запад рождал и использовал впечатляющие образы — „железный занавес“, „империя зла“, „свободный мир“, „права человека“. А язык сопротивления Советского Союза „блистал“ убогими выражениями, такими как „безродный космополит“, „загнивающий Запад“, „американский империализм“. Да и могло ли быть иначе, если производством образов занимались не интеллектуалы-гуманитарии, а партийные пропагандисты. Тысяча пропагандистов не заменят одного Достоевского» [Еременко 2012]. Если о влиянии «горячих» войн и революций на русский язык писали и историки, и филологи, то последствия современных информационно-психологических войн (далее — ИПВ), как нам представляется, менее изучены. Эти факторы и обуславливают **актуальность** предпринятого исследования.

В предыдущей публикации [Копнина, Кошкарова, Сковородников 2021] и устном выступлении на обозначенную тему [Сковородников, Копнина 2021] нами намечены общие контуры заявленной проблематики и предложена к обсуждению схема-матрица, намечающая три следующих функциональных типа лексико-фразеологических новаций (неологизмов, окказионализмов, актуализированных и реанимированных единиц), используемых в текстах информационно-

психологических войн: 1) специализированные аксиологические средства, включающие а) негативаторы как средства, выражающие пейоративную оценку и используемые с целью дискредитации того или иного образа, и б) глорификаторы как средства, выражающие мелиоративную оценку и способствующие позитивации образа; 2) бифункциональные, или аксиологически амбивалентные средства, названные нами также симулятизмами; 3) аксиологически нейтральные средства, к которым относятся новые термины и терминоиды, пополняющие терминологический аппарат теории информационной войны.

Продолжая начатое исследование, остановимся на функциональном описании этих новаций с опорой на понятие мишени (объекта противоборства). Преследование такой **цели** направлено на решение **научной проблемы** взаимоотношения языка, мышления и общества, а именно разработки методики описания языка информационно-психологической войны и его влияния на языковое сознание современного социума. Языковая специфика текста позволяет выявить интенцию его автора и является критерием, позволяющим квалифицировать то или иное средство как оружие и следствие ИПВ.

В качестве **материала** исследования были привлечены речевые высказывания, достаточные по объему для определения функций лексико-фразеологических новаций, взятые из русскоязычных интернет-текстов различной аксиологической направленности, в которых отчетливо прослеживается мишень воздействия, то есть объект, вокруг которого ведется информационно-психологическая война. При этом нельзя не согласиться с тем, что мишень в речи может быть «не указана конкретно» [Зарипов 2020: 103], т. е. не номинирована. Это наблюдаем, например, когда используется манипулятивная тактика предания забвению. Приведем

наблюдения журналистов об использовании тактики предания забвению роли СССР в Великой Отечественной войне: *8 мая в официальном аккаунте администрации американского президента появился твит с видео Дональда Трампа, который возлагает венок погибшим во время Второй мировой войны. Видео сопровождается подписью: «8 мая 1945 года Америка и Великобритания победили нацистов! Американский дух всегда побеждает. В конечном итоге именно это и происходит»* (<https://www.bbc.com/russian/news-52611746>); *Напомним, в Польше в эти дни проходят празднования 75-летия со дня освобождения советскими войсками лагеря смерти «Аушвиц—Биркенау». Однако в пятиминутной речи президент не упомянул ни СССР, ни советское прошлое Украины, ни вообще прилагательное «советский». Говорить о подвиге и жертвах украинского народа он предпочел отдельно: вспомнил про героические деяния уроженцев Украины и 9 млн украинцев (военных и гражданских), погибших во Вторую мировую* (<https://www.kommersant.ru/doc/4234075>). В данном случае мишень не номинирована, она остается за текстом, но вычленяется с опорой на исторический контекст.

В качестве основных в процессе исследования использовались **методы**: аналитико-описательный метод, традиционный для лингвистики; метод аксиологического и контекстуального анализа текста для определения его тональности, идеологической направленности и выявления мишеней информационно-психологического воздействия; метод компонентного и семантического анализа слова. В качестве верификации единицы по критерию новация / не новация использовались словари русского языка, размещенные в свободном доступе в сети Интернет.

Полученные результаты наших исследований по заявленной теме могут использоваться при создании словарей лексических и фразеологических новаций, научно-методических и учебных разработок в области лингвистики информационно-психологической войны.

Упомянем уже имеющийся в лингвистике опыт составления словаря языковых новаций, возникших вследствие гибридной войны. Это книга «Язык как оружие в войне мировоззрений» С. А. Жаботинской. На наш взгляд, она не лишена идеологического субъективизма, о чем свидетельствуют, в частности, использование автором ярлычного словосочетания *аннексия Крыма* и другие лингвистические приемы, обвинение

«ныне соседнего государства» в перекраивании границ Украины и такое высказывание, претендующее на вывод из анализа данных, в теоретической части: «Если россиянину нужно внушить новую патриотичную „идентичность“, то украинца такой идентичности необходимо лишить, его сознание следует „стерилизовать“, ибо он, следуя новой, „патриотичной“, картине мира россиянин, не имеет права ни на свою историю, ни на свой язык, ни на свою культуру, ни — следовательно — на свою территорию» [Жаботинская 2015: 5]. Тем самым этот словарь представляет собой лексикографический аспект информационно-психологического противоборства.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В результате исследования выявлена функциональная роль выделенных групп языковых/речевых новаций в информационно-психологических войнах. Представим краткое описание каждой группы.

I. Новации-негативаторы и их мишени

В современном русском языке и речи появился целый ряд новых лексико-фразеологических средств, предназначенных для выполнения негативно-оценочной функции различного типа. Такие средства называем **негативаторами**. К ним относятся следующие группы слов.

• **Политические ярлыки**, направленные на дискредитацию социально и политически значимых объектов и представляющие собой номинативные единицы-идеологемы, тяготеющие к стереотипизации и имеющие гипертрофированную пейоративную коннотацию и ослабленный денотативный компонент: *путинферштерство, русское гетто, партия войны, рашафашистский, русский террорист, Путинляндия, стыдоиды* и др. Например: *В связи с этим в Германии говорят об очередном всплеске «путинферштерства». Термин, образованный от фамилии российского президента и глагола «понимать» (verstehen), появился в обиходе еще 15 лет назад и сейчас переживает уже третью волну популярности в немецкой прессе. «Медуза» рассказывает о том, кого журналисты называют «путинферштерами» — и с чем связано особое сочувствие как минимум части немецкой элиты к внешнеполитической позиции Кремля* (<https://meduza.io/feature/2022/01/26/v-germanii-tretya-volna-putinfershterstva>); *Навальный на фоне пустыря за ларьками пытается записывать видео. На заднем плане какой-то мужик моет стену. Навальный на его фоне:*

«Добро пожаловать в русское гетто» (<https://meduza.io/feature/2022/01/26/na-kinofestivale-sandens-proshla-premiera-dokumentalnogo-filma-navalnyy>); Конгресс интеллигенции России начал в Интернете сбор подписей против потенциального вторжения войск РФ в Украину. По этому поводу сообщество интеллигенции выступило с «Заявлением сторонников мира против **Партии Войны** в российском руководстве» (<https://www.golosameriki.com/a/anti-war-activist-against-war-party-russia/6420298.html>).

• **Инвективы** — средства, используемые для оскорбления, например *борцуны, протестуны, стыдуны* и др.: **Протестуны угрожают силовикам, если они не перейдут «на сторону народа»** (<https://stanradar.com.05.01.2022>); **Лукашенко: все «беглые и протестуны» ответят по закону** (<https://regnum.ru/news/3280124.html>).

• **Террибилитизмы** (от лат. *terribilitas* — устрашение) — это, как правило, словосочетания тропеического характера, используемые для устрашения, запугивания, например *беспрецедентные санкции* (гипербола), *схватка с Кремлем / схватка Кремля* (антономазия), *подрыв демократических систем* (метафора): **Вашингтон грозит „беспрецедентными санкциями“ в случае нападения России на Украину, но непонятно, насколько реально эти санкции смогут повлиять на ситуацию и как далеко готовы зайти страны Европы в конфликте с Кремлём** (<https://www.svoboda.org/a/boks-za-ukrainu-rikard-yozvyak-o-peregovorah-rossii-i-zapada/31661377.html>); **Он едет в поезде под закадровый голос дикторов различных западных телеканалов: «Навальный возвращается для очередной схватки с Кремлем»** (<https://meduza.io/feature/2022/01/26/na-kinofestivale-sandens-proshla-premiera-dokumentalnogo-filma-navalnyy>).

• **Негативизмы** — отрицательные коннотаты, которые создаются при помощи словообразовательных средств, например суффиксов *-изм* (*путинизм, православизм, нацизм, христианизм, рашизм, мракобесизм* и т. п.), *-щин(а)* (*немцовщина, трамповщина, киселевщина, порошенковщина* и др.), *-оид* (*путиноиды, чубайсоиды* и т. п.), *-ц* (*путинцы, засносцы* и т. п.); приставок *анти-, псевдо-, лже-* (на некоторые из них лингвисты уже обращали внимание: [Замальдинов 2020: 43]): **Как же надоела вся эта лютая каспаровщина, удалцовщина, немцовщина, мизулинщина, милоновщина и бурматовщина. <...> Но нет — еще и киселевщина теперь вот до кучи есть** (<https://guy-fawkes.livejournal.com.20.02.2014>). К негативизмам отнесем и следующие сло-

ва, образованные разными способами: *нетвойновцы, фейкометы, укроИГИЛ, западенцы*. Некоторые негативизмы могут выполнять ярлычную функцию.

Появляются новые сочетания, которые приобретают узуальный характер, например *диванные/испуганные патриоты*: «<...> **Самое мерзкое, что этому хаю вторят все наши предатели, или, как их называет [пресс-секретарь президента РФ Дмитрий] Песков, испуганные патриоты. Испуганные, но большие патриоты, типа [Ивана] Урганта. Им придется за это ответить»**, — заключил Александр Бородай (<https://lv.baltnews.com.04.04.2022>).

Нужно отметить, что функциональные границы между названными группами могут смещаться. Так, например, некоторые инвективы — *кремлядь, либераст, майданутый, пропагандон, протестуны* и др., — используемые сторонниками разных политических течений, выполняют ярлычную функцию.

Негативаторы достаточно легко распределяются по укрупненным мишеням воздействия. Особенно это относится к тем единицам, которые сохраняют пейоративную коннотацию вне контекста. Анализ материала и вычлененные новации-негативаторы «высвечивают» целый ряд **укрупненных групп мишеней**. Приведем примеры некоторых таких мишеней, не претендуя на их исчерпывающий перечень.

■ **Россия и ее внешняя политика**

По отношению к России и ее политике используется целый ряд политических ярлыков: *Азиопа, Мордор, Совдепия, Рашка, Путинярня, Райнаш, российская агрессия/агрессия России, аннексия/оккупация Крыма* и др. В зарубежных медиа, в частности британских, Россия «представлена как угроза всему миру и ключевой актор информационной войны, препятствующий культурно-цивилизационному развитию Запада» [Кушнерук 2018: 47]. Причины демонизации образа России в зарубежных медиа понятны, но, к сожалению, это прослеживается и в некоторых российских текстах.

■ **Властная вертикаль: руководство страны, президент страны (Путин); представители правящей партии, органы безопасности**

Представители правящей власти в текстах ИПВ называются *кремлевскими пигмеями/сидельцами, пигмеями во власти* и др. Новые политические ярлыки *рабы Путина* и *путинские палачи* направлены на дискредитацию не только тех, кто работает в

тюрьмах, но и в первую очередь Путина, которому приписываются отрицательные характеристики: *Не удивительно поэтому, когда совсем недавно бывший президент Грузии Михаил Саакашвили кричал на своих тюремщиков, что они являются «рабами Путина» и «путинскими палачами»* (<https://regnum.ru/news/polit/3455876.html>). Террибилитизмы *рука Кремля, агрессия Кремля* позволяют демонизировать Россию и ее руководство.

■ Население России, русский народ

Исследователи отмечают «тенденцию к засорению речи инвективами» как следствие радикализации общественных отношений [Трофимова, Барабаш 2020: 164]. В текстах ИПВ новации инвективного типа используются по отношению к разным народам: *украдебилы, наглосаксы, ябатьки* и т. д. Русский народ не является исключением: его называют *ватниками, колорадами, рабами, гомофобами, средневековыми дикарями, руснёй* (= быдлом), *рашистами* и т. д.

■ Национальная идея

Для дискредитации национальной идеи используется ярлык *скрепоносцы*, например: *Хорошо бы скрепоносцы хотя бы иногда заглядывали в телевизор, где абсурд уже граничит с безумием* (<https://novayagazeta.ru/articles/2022/01/25/kuda-neseshsia-ty-rus-ptitsa-troika-chrezvychaiki>); *«Патриоты-скрепоносцы» показывают пример, как нужно любить Россию издалека* (<https://eduard456.livejournal.com/890203.html>); *Путинские войны-скрепоносцы* (<https://www.svoboda.org/a/29473059.html>). Интересно, что в слове *скрепоносцы* мишень как бы «вшита» в семантику единицы. Конечно, национальная идея может дискредитироваться и без участия слова *скрепоносцы*: *Национальная идея — это что-то наркотическое. Сказки о сверхдержаве, особой духовности, богоизбранности — идеологический инструмент, которым с древнейших времен с большим или меньшим успехом пользовались и пользуются политики для овладения «широкими массами»* (Известия. 15.06.2002).

■ Система здравоохранения и ее мероприятия

Продолжается борьба сторонников и противников вакцинации от коронавирусной инфекции COVID-19, именуемая в народе *короновойной* и породившая огромное количество новаций. Этой борьбе посвящена отдельная глава в коллективной монографии «Русский язык коронавирусной эпохи». В предисловии к монографии исследователи отмечают, что за несколько месяцев 2020 г. в русском языке возник «такой массив нова-

ций, который в количественном отношении можно сравнить с языковой динамикой таких тяжелых процессов в истории России XX века, как например, революционная эпоха или период перестройки в 90-е годы» [Русский язык... 2021: 6]. Создан «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», в котором представлено, как пишут его разработчики, около 3500 слов, появившихся или актуализированных в русском языке в 2020—2021 гг. [Словарь русского языка... 2021], в том числе отражающих «язык вражды». Поэтому мы не будем останавливаться на уже описанных в словаре и в специальной литературе новациях, связанных с коронавирусной тематикой (*«ковидизмах»* [Акубекова 2021]), и ограничимся лишь двумя примерами, свидетельствующими о расколе общества (так называемом *ковидном расколе*): *Не надо ... жалеть убогих антиваксеров — решили помереть да и ... с ними!* (комментарий пользователя monch от 19.10.2021) и *Одним словом: «У нас фашизм и лагеря. К вакцине принуждать нельзя»* (<https://www.fontanka.ru/2021/06/21/69982430/>).

■ Федеральные законы

Целые информационно-психологические войны разворачиваются вокруг статей федеральных законов. В частности война, имеющая на первый взгляд неполитический характер, но способствующая разделению общества, разворачивается против ФЗ от 27.12.2018 N 498-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Противники закона называют защитников животных *зоошизой, зоошизанутыми, зообезумными, псиновеждами, экстремистами, зооэкстремистами*, придумали даже ярлык *бурматовщина* (от фамилии депутата Госдумы В. В. Бурматова) и т. п. Например, комментарий анонимного пользователя от 28.01.2022 к статье об одном из приютов для животных: *...зоошиза это настоящие экстремисты и с ними нужно бороться на гос уровне как с фанатиками а не слушать их бредни* (<https://www.omskinform.ru/news/162906>). Или другой пример: *Тревожная новость для зоозащитной общественности: мэры из разных регионов решили объединиться для противостояния бурматовщине* (<https://joker.ykt.ru/2022/01/03/trevozhnaya-novost-dlya-zoosachitnoy-obschestvennosti-mery-iz-raznyh-regionov-reshili-obedinitsya-dlya-protivostoyaniya-burmatovschine.html>). Сразу два ярлыка используются в комментарии пользователя под ником «Бурый медведь»: *Бурматовщина — новый вид майданщиков госдепа* (<https://sakhaday.ru/news/deputat-gosdumy-bur>

matov-rasprostranyaet-feykovuyu-informaciyu-ob-ocherednyh-zverstvah-v-yakutii). Актуализацию получил фразеологизм *ставить к стенке*: *Истреблять зоозащитников призвал Забайкальский депутат Александр Михайлов!* <...> «Мне кажется, что это какой-то зарубежный проект, нацеленный на уничтожение россиян с помощью собак. Поэтому для людей, которые не дают бродячих псов ликвидировать, надо тоже ввести наказание на законодательном уровне — **ставить к стенке**» (группа в ВК «Новости Сверхдержавы», запись 25 янв. в 16:03). Последний пример иллюстрирует сверхсильную речевую агрессию, которую А. П. Сковородников называет лингвонекрофилией (для нее характерна «интенция морального и/или физического уничтожения объекта негативации, сопровождаемая эмоциями враждебности, ненависти и презрения» [Сковородников 2019: 16]).

Частотность использования того или иного негативатора по отношению к определенной мишени служит индикатором эскалации информационно-психологического противоборства. Обращает на себя внимание и тот факт, что в качестве мишеней выступают объекты, защита которых значима для национальной безопасности России.

II. Новации-глорификаторы

Глорификаторы — это прежде всего лексические и фразеологические единицы с положительно-оценочной коннотацией, реализующие мелиоративную интенцию автора. К ним относятся:

- панегиризмы, или «хвалилки», — единицы, имеющие комплиментарное содержание, например *свободный мир*, *гражданин мира*: *Мир просто разделится на свободный мир, где есть экономика, технологии, наука, — и места типа Ирана или России, где есть только официальная идеология о борьбе с врагами* (<https://novayagazeta.ru/articles/2022/02/24/iuliia-latynina-mir-prosto-razdelitsia-na-svobodnyi-mir-i-nas>);

- вигилизмы («бодрилки») — единицы, отражающие в семантике оптимистические настроения, типа известного ранее *светлое будущее*, *сейчас освободительный поход* (актуализация термина) и др.;

- позитивно-оценочные коннотаты («позитивизмы»), представленные в основном фразеологизмами: *бессмертный полк*, *духовные скрепы*, *многополярный мир*, *межнациональный/межконфессиональный диалог*, *наводить мосты*, *голос народа*, *демократический мир* и др.

Продуцирование мелиоративных языковых средств **менее характерно для ИПВ, по сравнению с негативаторами**. В «войне

слов» мелиоративный сектор является менее объемным. Поэтому можно согласиться с А. К. Михальской, которая пишет, что «государственная политическая пропаганда в России сегодня необъяснимо слаба, т. е. риторически несовершенна...» [Михальская 2019: 57]; «...ни адекватных ключевых слов <...>, ни образов, ни их вариантов-морф, ни мифов (мифов-структур и мифов-нарративов) — ничего того, что составляет силу эффективной негативной пропаганды, в позитивной практически нет...» [Там же: 76]. Преобладание негативаторов над глорификаторами объясняется также спецификой европейских языков.

Вигилизмы могут использоваться разными сторонами информационного противоборства. Например, в массмедиа актуализировано (но уже в новом значении) словосочетание *партия мира* (как антоним *партии войны*) — обобщенное наименование тех, кто приписывает России намерение начать «горячую» войну» против Украины и на основании этого призывает к недопущению этой войны, например: *Партия мира против войны!* «Яблоко» на Марше Немцова в Москве (<https://www.yabloko.ru/node/39907>); *Команда президента Зеленского любит называть себя «партией мира», особенно в общении с западными политиками и журналистами, — в противовес «партии войны» (Порошенко, Турчинов, Парубий, Яценюк) и «партии капитуляции» (Медведчук, Бойко, Рабинович)* (<https://m.day.kyiv.ua/ru/article/podrobnosti/socialnaya-opora>).

Панегирическими свойствами могут обладать **эвфемизмы** — средства, вуалирующие, или прикрывающие, те или иные факты реальности: *миротворцы* (вместо *военные*), *парад гордости* (вместо *гей-парад*), *умиротворить* (вместо *подчинить*), *военный туризм* (вместо *поездка в другую страну для участия в войне*) и мн. др.: *Лукашевич подчеркнул, что ряд стран целенаправленно оказывают поддержку «солдатам удачи» для участия в боевых действиях на Украине и что вся ответственность за гибель этой категории иностранцев лежит только на руководстве государств, потворствующих такому «военному туризму», передает ТАСС* (<https://lv.baltnews.com>. 01.04.2022).

Сделаем попутно наблюдение, требующее верификации на объемном материале: эвфемизмы, которые многие считают средством «приукрашивания», «представления реальности в более благоприятном свете» [Колмогорова, Горностаева 2021: 21], т. е. своего рода позитивизации (по этой преобладающей функции они, кстати, и рассмат-

риваются нами в глорификаторах), на самом деле могут и не выполнять эту роль, а быть приемом своего рода ухода от прямого наименования событий. Сравните, например, заголовок статьи *Шведские военные начали патрулирование гаваней Готланда из-за «активности» России* и его подзаголовок *Между тем вероятность нападения на Швецию в руководстве вооруженных сил оценивают как низкую* (<https://tass.ru>. 14.01.2022). В заголовке эвфемизм смещает акценты со шведов на Россию в описании намерений (ср. возможный вариант: *из-за опасений нападения*), выступая средством позитивизации образа Швеции и одновременно негативизации России, ее демонизации. Другими словами, функционально-референциальные возможности эвфемизма как манипулятивного средства исчерпывающе не изучены.

Глорификаторы не соотносятся напрямую с той или иной мишенью, поскольку направлены на приукрашивание образа субъекта противостояния, в том числе вражеского.

Бифункциональные средства-новации

Среди бифункциональных средств продолжается рост числа **симулятизмов** — аксиологически амбивалентных слов и словосочетаний: *демократия, толерантность, политкорректность, оптимизация, реформа, модернизация, элита, глобализация, новый миропорядок, образцовый потребитель, права человека, общечеловеческие ценности*, но и такие, как *свободные люди, коллективная безопасность*. Например: *Так что вопрос на самом деле сейчас состоит в том, какой путь выберет президент Путин. Выберет ли он взаимодействие в том, что мне кажется конструктивным путем развития дипломатии, чтобы попытаться укрепить коллективную безопасность, или он возобновит российскую агрессию против Украины* (<https://www.svoboda.org/a/antony-blinken-seychas-vopros-kak-ou-putj-vyberet-putin/31674726.html>). Обратим внимание, что симулятизмы не соотносятся напрямую с той или иной мишенью: они, скорее, выполняют роль актуализатора воздействия. Так, в приведенном примере используется манипулятивный прием, состоящий в предложении такой альтернативы, в которой нужный вариант маркируется положительно (с помощью термина *коллективная безопасность*), нежелательный вариант — отрицательно (с помощью террибилитизма *российскую агрессию против Украины*).

III. Коннотативно-нейтральные средства-новации

Аксиологически нейтральными новациями являются многочисленные термины и

терминоиды: *красная линия, язык санкций, постковидный синдром, токсичный контент, организаторы распространения информации, гостевые браки, постгуманизм, иноагенты, Минские соглашения, коронавирусные сертификаты, системные либералы, ротация элит* и другие. Примеры употребления некоторых из них: «Яндекс.Такси», «Яндекс.Еду», «Яндекс.Лавку» и «Яндекс.Микромобильность» добавили в реестр **организаторов распространения информации (ОРИ)**. На это обратила внимание «Роскомсвобода» (Новая газета. 16.01.2022).

Встречаются новые слова и сочетания слов, пополняющие **терминологию теории войны**: *архитектура безопасности, инфологема, токсичное высказывание/контент, цифровая колония* и др. Например: «*Наши американские коллеги в очередной раз пытались сегодня поставить Украину во главу угла всего этого [переговорного] процесса*», — отметил на пресс-конференции Лавров. В Москве, по его словам, согласны, что украинский вопрос «*требует пристального внимания*», но не стоит сводить к нему «*всю проблему европейской архитектуры безопасности*» (<https://tass.ru/politika/13493545?from=teaser>).

Возник целый ряд метафорических терминов со словом *информационный*: *информационная кухня, кухня информационной безопасности, кухня информационной технологии, информационное заражение (инфодемия), информационный наркотик, информационная схватка, информационный фронт, информационная гигиена* и др.: «*Инфодемия — информационное заражение, которое сейчас транслируют антиваксеры и которое не менее опасно, чем само инфекционное заражение*», — рассказала RT доктор биологических наук Лариса Попович (<https://russian.rt.com/russia/article/926226-antivaksery-citizengo-ultrapravye-lobbi>); *Предложение открыть против России информационный фронт, заявленное накануне встречи главой британской дипломатии Домиником Раабом, конкретного воплощения пока не получило* (<https://novayagazeta.ru/articles/2021/05/06/informatsionnyi-front-protiv-rossii-poka-ne-otkryt>).

Появился целый ряд терминов и терминоидов, в том числе заимствованного характера, для обозначения разных форм коммуникативной агрессии (*газлайтинг, буллинг, троллинг, виктимблейминг, хейт, холивар, «фольклор ненависти», лингвистический фашизм, лингвистический экстремизм, информационный терроризм* и др.) и сопротивлению ей (например, *реклейлинг, анти-*

язык, язык противостояния, язык сопротивления).

Наблюдается и **реанимирование** некоторых языковых средств. Так, например, в СМИ можно встретить реанимированное **продуктовые/продовольственные карточки**, однако, поскольку этот термин вызывает негативные ассоциации, как синоним используется словосочетание **продовольственные сертификаты**. Например: *Названо условие введения в России **продуктовых карточек** (заголовок), в тексте: Он отметил, что вопрос **продовольственных сертификатов** для малоимущих звучит в правительстве, идея уже заметна и плюсы у нее имеются* (<https://lenta.ru/news/2022/01/11/>).

Новацией является семантически нагруженное использование лексемы *стыдно*. Как пишет один из журналистов, *«последние недели в российском обществе появились наши сограждане, которым по разным причинам **стыдно**. Кому-то за страну, кому-то за армию, а кто-то всерьез жалеет о том, что он русский»* (<https://rv-gyazan.ru/mne-nestydno/>). Лексема *стыдно* стала своеобразным паролем для опознания «своих» (тех, кому стыдно), выделения их из круга «чужих» — тех, кому не *стыдно*, манипулятивным способом разделения российского общества путем апелляции к чувству вины. Сравните:

а) *«<...> Россия — страна без морали и стыда. **А мне стыдно, что я русский**», — рассказал Родченков немецкому изданию DLF, передает Sports.ru* (<https://vz.ru/news/2018/1/30/905973.html>);

б) *...**Мне не стыдно, что я русский**. Русский язык и культура удивительно прекрасны. Я не стыжусь своих предков и своей нации.*

Ни я, ни моя семья никого не убила, никого не обокрала, ни на кого не лжесвидетельствовали. И нам не за что стыдиться. <...> Когда ты стыдишься за другого человека, за организацию, за государство — ты сливаешься с ним, теряешь субъектность, перестаёшь нести ответственность за свои поступки. Принимая на себя чужую вину — ты как бы не несёшь вины за свои поступки (А. Гримм. <https://zen.yandex.ru/04.030222>).

IV. Аксиологические конверсии в текстах ИПВ

В текстах ИПВ с целью дискредитации используются тактики обесценивания, осмеяния позитивно-оценочных идеологем. В этом случае понятия-идеологемы выступают мишенью негативизации. Встречается, например, их постановка в контекст, снижающий их образ, в иронический контекст:

Духовные скрепы от Курочки Рябы (название книги А. Никонова); *Петербургский католический магазин Agnus-store решил компенсировать недостаток духовных скреп в российском обществе. Владельцы выставили на продажу **товар под названием «духовные скрепы»**. Цена фигурных скрепок в виде крестов и ангелочков — 22 рубля за штуку. «Многие слышали выражение „духовные скрепы“, а глава государства Владимир Путин даже выразил озабоченность тем, что нам **не хватает духовных скреп**. Но мало кто видел, как они выглядят. Теперь клиентам католического магазина Agnus предоставляется уникальная возможность своими глазами узреть, **как выглядят духовные скрепы, и даже потрогать их**»* (<https://www.gazeta.ru>. 13.01.2016). Здесь меняется не только аксиология, но и предметная семантика.

Как речевой способ противоборства в ИПВ используется тактика принятия негативатора, например политического ярлыка, с приданием ему нового значения, положительной или нейтральной коннотации. Например: *Да, я **гомофоб**. Как и большинство россиян, что подтверждается абсолютно всеми социологическими опросами* (<https://oleg-dubov.livejournal.com/434605.html>). В русском языке появилось даже слово-новация, обозначающее, как мы понимаем, подобное принятие, — *реклейминг* [Никитина, Сергаева 2018]. Например: *Реклейминг (от англ. *reclaim* — вернуть) — это практика переприсвоения обидных слов и придания им нового значения. <...> Практика реклейминга помогает жертвам издевок не только по-новому взглянуть на обидное слово, но и начать воспринимать его более легко. В первую очередь, шуточное или ироничное употребление обзывательств позволяет перевести фокус с отрицательных черт, ассоциируемых с определенным оскорбительным словом, на возможные положительные черты, присущие лицам, против которых слово было использовано* (<https://the-steppe.com/razvitie/pomogaet-li-rekleymingzhertvam-unizheniy>).

Как видим, в текстах ИПВ возможен контекстуальный перенос негативаторов в глорификаторы и наоборот, что свидетельствует о целесообразности изучения аксиологической конверсии лексико-фразеологических новаций.

ВЫВОДЫ

Анализ материала позволяет сделать три основных вывода.

1. Язык подвержен идеологическому влиянию, следы которого остаются в его словаре

и употреблении. Современные информационно-психологические войны не только пополнили терминологию теории войны, но и изрядно «наследили», оставляя будущим поколениям целый арсенал пейоративно-оценочного языкового оружия психологического воздействия, направленного на изменение отношения общества к той или иной мишени воздействия.

2. Наличие бифункциональных средств и аксиологическая конверсия лексико-фразеологических новаций свидетельствуют о приспособленности языка к изменениям в условиях ИПВ.

3. Наблюдения над языком ИПВ, ведущейся некоторыми странами против России, позволяют сделать вывод о том, что в современных условиях чрезвычайно важно решить стратегический вопрос выработки интеллектуального щита, одним из составляющих которого является грамотно продуманный язык сопротивления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Акубекова, Д. Г. Неологизмы, окказионализмы, «ковидизмы» / Д. Г. Акубекова. — Текст : непосредственный // Доклады Башкирского университета. — 2021. — Т. 6. — № 3. — С. 200—204.
2. Жаботинская, С. А. Язык как оружие в войне мировоззрений. МАЙДАН-АНТИМАЙДАН : словарь-тезаурус лексических инноваций. Украина, декабрь 2013 — декабрь 2014. Интернет-издание / С. А. Жаботинская. — Текст : электронный. — Киев : Украинская ассоциация когнитивной лингвистики и поэтики (УАКЛИП). — 90 с. // Сайт УАКЛИП. Размещено 17 марта 2015 г. — URL: http://uaclip.at.ua/zhabotinskajajazyk_kak_oruzhie.pdf (дата обращения: 05.12.2021).
3. Замальдинов, В. Е. Образ политика — мишень информационно-психологической войны в медиакартине мира / В. Е. Замальдинов. — Текст : непосредственный // Вестник Курганского государственного университета. — 2020. — № 1 (55). — С. 42—46.
4. Зарипов, Р. И. Оружие информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия / Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Лингвистика информационно-психологической войны : моногр. Кн. III / А. А. Бернацкая, Ю. А. Горностаева, И. В. Евсеева [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. — С. 98—113.
5. Еременко, И. Заговор жрецов / И. Еременко. — Текст : электронный // Литературная газета. — 2012. — 18 янв. — URL: <https://lgz.ru/article/N1-2--6353---2012-01-18-/Zagovor-zhr%D0%B5tov18078/> (дата обращения: 05.12.2021).
6. Колмогорова, А. В. Вербальные маркеры манипуляции в англоязычном поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации и автоматической обработки : моногр. / А. В. Колмогорова, Ю. А. Горностаева. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2021. — 188 с. — Текст : непосредственный.
7. Копнина, Г. А. Языковые последствия современных информационно-психологических войн в русскоязычных масмедиа: постановка проблемы / Г. А. Копнина, Н. Н. Кошкарлова, А. П. Сковородников. — Текст : непосредственный // Русистика. — 2021. — Вып. 19. — № 4. — С. 383—400.
8. Кушнерук, С. Л. Медиареальность информационно-психологической войны (на материале британских газет и новостных сайтов) / С. Л. Кушнерук. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2018. — № 4. — С. 47—54.
9. Михальская, А. К. Война слов: риторика и поэтика пропаганды / А. К. Михальская. — Текст : непосредственный // Лингвистика информационно-психологической войны : мо-

ногр. Кн. II / А. А. Бернацкая, Л. А. Гаврилов, В. А. Жилина [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. — С. 56—78.

10. Никитина, Е. В. Реклейминг как социолингвистический феномен в современном английском языке / Е. В. Никитина, Ю. В. Сергаева. — Текст : непосредственный // Гуманитарий: традиции и новые парадигмы в науке о языке : сб. статей по материалам Междунар. молодежного исследовательского форума (15—16 февр. 2018 г.). — Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. — С. 112—117.

11. Русский язык коронавирусной эпохи : коллективная монография / Т. Н. Бурцева, Х. Вальтер, И. Т. Вепрева, Р. И. Воронцов [и др.] ; ред. коллегия: Е. С. Громенко, Н. В. Козловская, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева (отв. ред.), Ю. С. Ридецкая. — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. — 610 с. — Текст : непосредственный.

12. Сковородников, А. П. О сверхсильной речевой агрессии и ее моральном антипode / А. П. Сковородников. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 12—21.

13. Сковородников, А. П. Основные лексико-фразеологические новации в русском языке и речи, возникшие вследствие информационно-психологических войн (на материале газет и интернет-текстов) / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина. — Изображение (движущееся) : электронное // 22-е заседание Центра межкультурных исследований им. А. А. Леонтьева в Институте языкознания РАН. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=tNfh69Eev_0&t=19s. (дата обращения: 05.12.2021).

14. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост. Х. Вальтер, Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников, Н. В. Козловская, Н. А. Козулина, С. Д. Левина, В. М. Мокиенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева, Ю. С. Ридецкая ; ред. коллегия: Е. С. Громенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева, Ю. С. Ридецкая. — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. — 550 с. — Текст : непосредственный.

15. Трофимова, Г. Н. Языковое послевкусие интернет-эпохи в России: эффект бумеранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакоммуникации) : моногр. / Г. Н. Трофимова, В. В. Барабаш. — Москва : РУДН, 2020. — 273 с. — Текст : непосредственный.

16. Цветков, В. Почему белые проиграли Гражданскую войну / В. Цветков. — Текст : электронный // Ведомости. — 2020. — 31 марта. — URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/03/31/826752-pochemu-belie-proigrali> (дата обращения: 05.12.2021).

REFERENCES

1. Akubekova, D. G. (2021). Neologizmy, okkazionalizmy, «kovidizmy» [Neologisms, occasionalisms, covidisms]. *Doklady Bashkirskogo universiteta*, 3, 200—204. (In Russ.)
2. Zhabotinskaja, S. A. (2015). *Jazyk kak oruzhie v vojne mirovozzrenij. MAJDAN-ANTIMAJDAN: slovar'-tezaurus leksicheskikh innovacij. Ukraina, dekabr' 2013 — dekabr' 2014. Internet-izdanie* [Language as a weapon in the worldviews war]. Retrieved from http://uaclip.at.ua/zhabotinskajajazyk_kak_oruzhie.pdf (In Russ.)
3. Zamaľdinov, V. E. (2020). *Obraz politika — mishaen' informacionno-psihologicheskoi vojny v mediakartine mira* [Politician's image — information-psychological war's target in the media world picture]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(55), 42—46. (In Russ.)
4. Zaripov, R. I. (2020). *Oruzhie informacionno-psihologicheskoi vojny: k obosnovaniju i opredeleniju ponjatija* [Information-psychological war's weapon: justification and definition of the term]. In *Lingvistika informacionno-psihologicheskoi vojny* [Monograph] (Vol. 3, pp. 98—113). Krasnojarsk: Sib. Feder. Univ. (In Russ.)
5. Eremenko, I. (2012, Jan. 18). *Zagovor zhrecov* [Priests' conspiracy]. *Literaturnaja gazeta*. Retrieved from <https://lgz.ru/article/N1-2--6353---2012-01-18-/Zagovor-zhr%D0%B5tov18078/> (In Russ.)
6. Kolmogorova, A. V., & Gornostaeva, Ju. A. (2021). *Verbalnye markery manipulacii v anglojazychnom poljarizovanom politicheskom diskurse: opyt parametrizacii i avtomaticheskoi obrabotki: monografija* [Verbal markers of manipula-

tion in an English-language polarized political discourse]. Krasnojarsk: Sib. Feder. Univ., 188 p. (In Russ.)

7. Koptina, G. A., Koshkarova, N. N., & Skovorodnikov, A. P. (2021). Jazykovye posledstvija sovremennyh informacionno-psihologicheskikh vojn v russkojazychnyh massmedia: postanovka problem [Language consequences of modern psychological and information warfare in Russian mass media: problem definition]. *Rusistika*, 4, 383–400. (In Russ.)

8. Kushneruk, S. L. (2018). Mediareal'nost' informacionno-psihologicheskoy vojny (na materiale britanskih gazet i novostnyh sajtov) [Media reality of information-psychological war (on the material of british press and news sites)]. *Politicheskaja lingvistika*, 4, 47–54. (In Russ.)

9. Mihal'skaja, A. K. (2019). Vojna slov: ritorika i pojetika propagandy [Reclaiming as a social linguistic phenomenon in the modern English language]. *Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny* [Monograph] (Vol. II, pp. 56–78). Krasnojarsk: Sib. Feder. Univ. (In Russ.)

10. Nikitina, E. V., & Sergaeva, Ju. V. (2018). Reklejming kak sociolingvisticheskij fenomen v sovremenom anglijskom jazyke [Reclaiming as a social linguistic phenomenon in the modern English language]. In *Gumanitarij: tradicii i novye paradigmy v nauke o jazyke* (pp. 112–117). (In Russ.)

11. Burceva, T. N., Val'ter, H., Vepreva, I. T., Voroncov, R. I., et al. (2021). *Russkij jazyk koronavirusnoj jepohi* [Collective monograph]. Sankt-Peterburg: Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN, 610 p. (In Russ.)

12. Skovorodnikov, A. P. (2019). O sverhsil'noj rechevoj agressii i ee moral'nom antipode [On the Extreme Speech Aggression and Its Modal Antipode]. *Politicheskaja lingvistika*, 3(75), 12–21. (In Russ.)

13. Skovorodnikov, A. P., & Koptina, G. A. (n.d.). *Osnovnye leksiko-frazeologicheskie novicii v russkom jazyke i rechi, voznikšie vsledstvie informacionno-psihologicheskikh vojn (na materiale gazet i internet-tekstov)* [Video]. Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=tNfh69Eev_0&t=19s. (In Russ.)

14. Val'ter, H., Gromenko, E. S., Kozhevnikov, A. Ju., Kozlovskaja, N. V., Kozulina, N. A., Levina, S. D., Mokienko, V. M., Pavlova, A. S., Priemysheva, M. N., & Rideckaja Ju. S. (2021). *Slovar' russkogo jazyka koronavirusnoj jepohi* [Dictionary of the Russian language of coronavirus age]. Sankt-Peterburg: Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN, 550 p. (In Russ.)

15. Trofimova, G. N., & Barabash, V. V. (2020). *Jazykovoe poslevkusie internet-jepohi v Rossii: jeffekt bumeranga (aktual'nye processy v russkojazychnoj cifrovoj mediakommunikacii): monografija* [Verbal aftertaste of Internet age in Russia: boomerang effect (actual processes in the Russian-language digital media communication)]. Moscow: RUDN, 273 p. (In Russ.)

16. Cvetkov, V. (2020, March 31). Pochemu belye proigrali Grazhdanskiju vojnu [Why White armies lost the civil war]. *Vedomosti*. Retrieved from <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/03/31/826752-pochemu-belie-proigrali> (In Russ.)